

ЕВРОПА ТЕПЛЕЕТ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Николай Плотников

НОВЫЙ ЗАПАД

Николай Плотников — российский историк философии, публицист, научный сотрудник Института философии Рурского университета (Бохум, Германия). Специалист по истории немецкой и русской философии XIX—XX веков

РЖ *Уважаемый Николай Сергеевич, как вы считаете, есть ли у Евросоюза стратегия в отношении России, и может ли сам по себе ЕС претендовать на то, чтобы быть выразителем общеевропейской политики?*

Противоречие в интерпретации рамок Евросоюза заложено с самого начала его существования. И в политической риторике, и в идеологии существовало и до сих пор существует представление о том, что ЕС — это воплощение кантовской идеи Европы, идеала европейской цивилизованности, который наконец-то приобретает институциональные рамки. Но скоро стало ясно, что уже на институциональном уровне имеют место две точки организации. **С одной стороны, Совет Европы, который с большим правом может претендовать на воплощение такой идеи европейской интеграции, а с другой стороны — Евросоюз, который возникал и развивался как экономическая структура**

ра и сегодня испытывает проблемы именно в силу этой односторонней экономизированности.

Поскольку экономической интеграции Евросоюза не соответствовала более серьезная политическая интеграция, то никакого супергосударства («Соединенные Штаты Европы») не возникнет. Эта двусмысленность: что собой представляет Европа — экономический союз или некую реализацию культурной идеи — постоянно присутствовала на всех стадиях дискуссии о значении и роли Евросоюза последние пятнадцать—двадцать лет.

Рассматривать Европейский союз как реализацию идеи Европы сейчас никто всерьез не станет. В связи с этим у России возникает европейская перспектива, поскольку Европа не сводится к членству в ЕС. И какое бы количество членов Евросоюз ни включал в себя, это не тождественно представлению о Европе как о некоей цивилизационной рамке. В этом пространстве для России открывается перспектива формулирования своей версии европейской идеи.

В современной ситуации, когда разразился не только экономический кризис, но и кризис политический, формулирование такой новой версии европейской идеи мо-

России с Европой, несмотря на общее потепление климата взаимоотношений? Дело в кризисе и в том, что Европа занята своими внутренними проблемами, или это долгосрочная тенденция?

Этот вопрос, в частности, связан с тем, с какими предложениями Россия включается в диалог с Европой. Если, скажем, предлагаются политические ноу-хау вроде «суверенной демократии», то здесь вряд ли возникнет интерес к политической дискуссии или к диалогу. Если же возникают какие-то темы и сюжеты для политического обсуждения, то тут вполне может возникнуть почва для диалога на политическом и интеллектуальном уровне. В экономической сфере эта интеграция идет уже давно.

РЖ *Сумел ли Евросоюз воспользоваться «перезагрузкой» российско-американских отношений, чтобы стать субъектом, сопоставимым по влиятельности и значению с США, какими они были в эпоху однополярного мира?*

Да, безусловно. Европа является субъектом, сопоставимым по значимости с Соединенными Штата-

Совет Европы с большим правом может претендовать на воплощение идеи европейской интеграции, Евросоюз возник и развивался как экономическая структура

жет оказаться перспективным. Поэтому сейчас удобный момент для того, чтобы вновь начать обсуждать идею Европы и плюрализм идей, которые связаны с разными путями европеизации. Почему бы России не предложить свой сюжет и свою идею?

РЖ *Почему в последние годы не было реальных инициатив по сближению*

ми. По экономическому объему Евросоюз сопоставим с США. Вопрос политического веса тоже неоднозначен. В каких-то случаях, когда речь идет о консенсуальных решениях в рамках НАТО, то Европа просто развивает линию политики, которую задают Соединенные Штаты. Но в целом Европа является такого рода субъектом — независимым и самостоятельным.

Вопрос представляется не совсем однозначным в том плане, что идея этой европейской интеграции была отчасти продиктована и мотивирована попыткой создать *субъектность* Объединенной Европы. В общем-то, она состоялась и смогла реализоваться. Насколько успешно или неуспешно — это нужно обсуждать. Но в плане технологическом и в плане внешнеполитических инициатив Европа представляет собой совершенно самостоятельный субъект.

РЖ Вернемся к началу нашей беседы. Вы сказали, что Евросоюз — это, прежде всего, экономическая интеграция, а есть более широкие формы интеграции. Евросоюзом не исчерпывается вся Европа — есть Совет Европы, есть ОБСЕ. Можно ли говорить о возможности создания некоего иного объединения на европейском континенте, которое бы не ограничивалось Евросоюзом и в котором Россия была бы не гостем, а равноправным партнером?

Такого рода объединение можно себе представить. Но какого рода организация это должна быть — политическая, экономическая? Даже на уровне Евросоюза политическая и экономическая интеграция приводит к совершенно различным результатам. Можно создать единое образовательное пространство — и оно уже практически создано с переходом России на Болонскую систему. Можно говорить об открытии рынка труда. Вопрос в том, какие институциональные предпосылки существуют для такой интеграции. Можно говорить о множестве линий этой интеграции, и не обязательно фиксировать все в рамках одной суперорганизации, которая объединит все пространство «от Ламанша до Урала».

РЖ Можно ли говорить о том, что в Европе, и вы частности в Германии, где вы живете, чувствуется изменение отношения средств массовой информации к России? В отечественных СМИ это формулируется примерно так: «В последних выступлениях Медведева сквозит тема смены внешнеполитического курса». Чувствуется ли там то, что «сквозит», и как оно воспринимается?

Чувствуется. Потепление тона в отношении России чувствуется во всех средствах массовой информации, все СМИ фиксируют тренд депутизации России. Он в целом приветствуется. Даже публикации, посвященные 9 Мая, подавались, скорее, в жанре очерка, а не в жанре некоего идеологического разбора. В том числе и инициативы, связанные с вывешиванием плакатов с портретами Сталина.

РЖ Как это воспринималось в Германии?

Как самостоятельная инициатива Лужкова. Это не приписывалось государственной политике в целом, это было локализовано как одно из полей борьбы за историческую память и было представлено как дискуссия, а не как директива государственной политики. ■

Беседовал Борис Волхонский

ЕВРОПА ПОКА ГЛУХА К РОССИЙСКИМ ИНИЦИАТИВАМ

МИХЕЛЬ ШТЮРМЕР — германский историк, политолог и журналист, шеф-корреспондент газеты «Die Welt», член Европейского совета по международным отношениям, ранее бывший профессором истории Университета Эрланген-Нюрнберг и советником федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля. Михель Штюрмер — автор биографии Владимира Путина «Putin And The Rise Of Russia The Country That Came In From The Cold» (2008).

Специально для РЖ

«Перезагрузка» Американо-российских отношений для Европы пришлось воевремя. Европейцам следует настаивать на том, что за последним российско-американским договором о сокращении СНВ должна последовать кардинальная модернизация договора ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе).

Европа просто не имеет права проигнорировать процесс «перезагрузки», как это уже случилось с фактически незамеченной попыткой России оживить диалог с Евросоюзом, когда президент России Дмитрий Медведев выступил с инициативой подписания Договора об общеевропейской безопасности. Но очень часто бывает, когда русские выступают с действительно прекрасной идеей, а европейцы в ответ лишь «жимают плечами», при том, что сами русские на этом и останавливаются, не предоставляя никаких деталей нового проекта. В результате очень полезное начинание президента России было спущено на тормозах. Единственной инстанцией, которая серьезно подошла к российскому предложению и сказала, что надо постараться беспристрастно его оценить, было европейское внешнеполитическое

ведомство, Брюссель, зато большинство министров иностранных дел стран ЕС сделали вид, что инициативы Медведева не существует, или же сочли ее очередной попыткой России помешать расширению НАТО. Кого винить в этой бездарной глухоте к политической реальности? Полную потерю чувствительности в сфере международных дел во многих столицах Европы.

Глобализация не знает жалости. И европейцам, и русским необходимо об этом помнить. Россия — младший партнер Китая? Это кошмар для россиян, европейцев и американцев. Альтернатива — это великая сделка Европы с Россией. Москва нуждается во внутренней модернизации, капитале и технических новинках с Запада, а Запад, Европа в первую очередь нуждаются в сырье. Членство в Евросоюзе — это не ответ, этого слишком мало. Турция слишком велика, слишком бедна и слишком иная, чтобы стать полноправным членом Европейского союза. Зато России нужно искать новые оригинальные пути сотрудничества. ■